

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЕОРГИЮ КУНИЦЫНУ¹

Глубокоуважаемой Георгий Иванович!

Не могу не высказать некоторых соображений по поводу Вашей статьи «Трагедия народа — вина или беда?», которую читал с большим интересом. Ваш талант публициста и твердость гражданской позиции я оценил после нашумевшей публикации в «Литературной России» два года назад, и еще большей симпатией проникся к автору после встречи в стенах нашего ленинградского Дома писателей прошлой весной. Сейчас, однако, мне хочется с Вами поспорить.

Я думаю о тех, кто прочитал последнюю Вашу статью, зная о недавнем прошлом своей страны лишь понаслышке. Молодому читателю, который сегодня пытается заглянуть в черные дыры последних 70-ти лет отечественной истории, трудно сделать это в условиях непривычно бушующего вокруг нас плюрализма суждений. Еще труднее, разобравшись с прошлым, извлечь из него правильный урок на будущее. А ведь именно это сегодня для нас цель номер один.

В свете этой главной для советского общества задачи, Ваша статья может оказать ему дурную услугу, внося еще больше путаницы в и без того уже хаотичную систему наших нравственных координат.

Мне хочется поговорить не о герое фильма, а о герое Вашей статьи-рецензии; не о том, каким задумывал сценарист своего героя, как его поняли и трактовали режиссер и исполнитель роли, — а о том, как понимаете и трактуете этот образ Вы, к каким выводам хотите подвести своего читателя.

И не просто подвести — толкнуть, бросить всей силой недюжинного публицистического таланта.

Итак, речь идет о некоем представителе нашего с Вами «бескомпромиссного поколения», героически прошедшем

¹ Слепухин Ю. Обманутое поколение? : открытое письмо Георгию Кунцину. // Советская культура. 1989. 7 нояб. С.4–5 (в ответ статью Кунцину Г. «Трагедия народа: вина или беда?» // Советская культура. 1989. 20 июня. (Печатается по тексту, сохранившемуся в архиве Ю. Г. Слепухина – прим. ред.).

войну, «порядочном до предела», отличнейшем семьянине и т. п. Внезапно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ, командуя охранной одного из северных лагерей, отдал приказ стрелять по толпе заключенных. Неожиданное — спустя много лет — изобличение взрывает счастливую доселе жизнь семьи Кузнецовых; но вот тут-то — пишете Вы — «все вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вилы на обличителей. И перед нами развертывается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися ныне отрицать наличие массовой веры в Сталина в народе...»

Интонация неосознанного сочувствия Кузнецову слышится уже здесь — хотя бы отнюдь не случайным противопоставлением эпитетов «бывший фронтовик» и «обличители». Вот, дескать, знай ветерана! Хотели его банально обличить, да не на банального напали: сам на них с вилами...

Кстати, о публицистах, отрицающих массовость сталинопоклонства. Мне утверждения такого рода не встречались. О поголовной вере в Сталина пишут сегодня все, этого печального факта нашей национальной биографии не отрицают ни «Новый мир», ни «Молодая гвардия». Воронежские партийные публицисты дописались, кажется, до того, что автобиографическую повесть Жигулина объявили фальшивкой: в конце сороковых годов, дескать, не могла возникнуть молодежная антисталинская организация, не могла просто потому, что тогда каждый советский человек был верным сталинцем. Это уж явный перебор, исключения были, к их числу относится и достоверно описанное в «Черных камнях», но они — признаем это честно и открыто — так исключениями и оставались. Не к нашей чести, но из песни слова не выкинешь.

Так что насчет массовой веры в Сталина у нас с Вами разногласия нет. О том, насколько тупым и нерассуждающим было наше слепое идолопоклонство, у Вас написано много, убедительно, с искренней болью и стыдом за прошлое. Вопрос лишь, как нам теперь — когда тайное стало

явным — судить самих себя, какой мерой оценить все то, что мы в этом состоянии псевдорелигиозного экстаза натворили.

Вы считаете, что судить некого и не за что, ибо «всякая вообще вера — уже по одному тому, что это вера, — не преступление, а состояние души. Да, именно так. Своеобразный эквивалент свободы. Принудительной веры и вообще не бывает, и быть не может. Как не бывает, между прочим, и принудительной духовности...»

Странная и не очень ясная мысль, я бы поостерегся так легко играть полярно-противозначащими омонимами. К истинной духовности и вере в Бога принудить нельзя, Вы правы. А вот принудить массы поверить до исступления в самую неосуществимую политическую утопию можно очень легко — уж наш-то двадцатый век доказал это более чем наглядно. Еще легче при помощи хорошо отлаженного аппарата пропаганды принудить людей к вере в абсолютную непогрешимость лидера. Любого, как его ни назови, «вождем» ли по-русски, «фюрером» ли по-немецки.

Человека нельзя заставить верить в Бога, но заставить поклониться идолу его можно — и можно продолжать заставлять, пока привычка поклоняться не станет второй натурой. Это же, как выяснилось, можно сделать и с целым народом.

Подвергнуться духовному изнасилованию — трагедия, Вы очень точно нашли слово-ключ для заголовка своей статьи. Действительно, во всей обозримой истории Средиземноморской цивилизации не найти аналога катастрофы, которую суждено было пережить нам. Двусмысленность авторской позиции проявляется лишь во второй части заголовка — употреблением разделительного союза и знака вопроса: «...вина или беда?»

Задаваться вопросом — виноват пострадавший или не виноват — есть смысл, когда речь идет о какой-то личной беде. Тут бывает по-всякому, судьбу человека может исковеркать как его собственная ошибка, так и случайное стечение совершенно не зависевших от него обстоятельств. Судьбы же народов, как правило, случайностям не подвержены; в истории беда всегда идет рука-об-руку с виной.

В XX веке мы отвечаем за все — и за то, как нами правят, и за то, кто правит. Исключая казарменные перевороты в Африке и Латинской Америке, трудно сегодня представить себе тоталитарный режим, сумевший захватить власть в большой развитой стране внезапно и мгновенно, подобно уэллсовским марсианам. Самые страшные тирании нашего времени начинали исподволь, с массового растрепывания душ — демагогией, подменой общечеловеческих нравственных законов диктатом эгоистичных интересов нации или класса, апелляцией к низменным инстинктам толпы («Juden gaus», «Грабь награбленное»). И лишь потом физическое порабощение народа становилось фактом.

Именно это произошло с нашим поколением и с поколением наших отцов, такой страшной ценой расплатившихся потом за свою нравственную податливость. Кого же нам теперь винить, если не самих себя?

Вы считаете, что ставить этот вопрос вообще ни к чему — иначе, мол, «может широко утвердиться гаденький соблазн валить всю вину на народ». Опасение, думаю, безосновательное, о «всей вине» никто не говорит. Главная вина — это понятно всякому — лежит на тех, кому народ поверил, за кем пошел по пути духовного и физического самоуничтожения. Но не следует забывать и другое: вначале была свобода выбора. И были люди — отнюдь не из числа оголтелых реакционеров, — которые провидели и предсказывали гибельность этого пути, его конечную безысходность. Назову хотя бы Плеханова.

Народ, однако, к предостережениям не прислушался. Народ сделал свой выбор сознательно и добровольно, исполненный «святой веры в то, что впереди — добро, истина, красота». Не стану напоминать, чем обернулись эти серафические мечты, — в «Литературной России» Вы сами подвели беспощадный баланс результатов великого большевистского эксперимента.

В оценке этих результатов, в оценке нынешнего состояния нашего общества и государства у нас с Вами, по-видимому, коренных расхождений нет. Иначе я просто не стал бы откликаться на Вашу статью — как не придет мне в голову,

скажем, затевать полемику с Д. Урновым по поводу его недавних высказываний о Достоевском в литгазетовском «Диалоге недели». Бывают такие перепады уровней мышления, когда дискутировать бесцельно.

Хотелось бы думать, что с Вами мы все же мыслим на приблизительно одном уровне. В главном, повторю, я считаю себя Вашим единомышленником, и тем больший протест вызывает предпринятая Вами попытка как бы реабилитировать в лице Кузнецова все наше «обманутое поколение».

Формально, разумеется, Вы кузнецовых не оправдываете; честно, ничего не замалчивая, Вы признаёте всю огромность сделанного ими зла. И все же не столько обвиняете их, сколько им сочувствуете. Николай Кузнецов вызывает в Вас сочувствие — выше я определил его как «неосознанное», это не совсем точно. Понимаю, что вырванные из контекста цитаты — не лучший способ аргументации; но все же для наглядности попробуем сгруппировать воедино разбросанные по всей статье характеристики героя — и посмотрим, какой образ из них складывается.

«Перед нами... человек, который вроде бы и не имеет оправдания, но это — не преступник. Обманутый. Слепленный. Порядочен же до предела... Без таких и войну-то невозможно было бы выиграть. Коренник он в любом деле...»

«Не знаю произведения, где с такой ясностью раскрыта именно беззащитность (в образе Кузнецова) народных масс перед теми, кто пошел на поругание святой веры... Кузнецов... — не просто выразитель взглядов и настроений многих советских людей 30-х-60-х годов. Он — реализовавшаяся их совесть. Несокрушимость народного духа... Он же, однако, — и их беспомощность. Несчастливы правдолюбцы на Руси. Живут по вере, а потому по воле /? Ю.С./ Все они — Аввакумы...»

«Как бы то ни было, но о сознательном участии в преступлениях Сталина и сталинистов применительно к Кузнецову речи быть не может...»

Ну, и так далее, в том же тоне: «былинная натура», «несокрушимый человек», «боец вступил в свой последний бой» — словом, откровенный панегирик.

Нетрудно себе представить, с каким чувством читали это те, выжившие, сегодня уже немногие, кому в свое время довелось повидать Ваших правдолюбцев с автоматами на каком-нибудь острове ГУЛАГа; но Бог с ними, их действительно мало уже осталось. А вот читатели помоложе, успевшие заблудиться в трех сосенках нашей новорожденной демократии и не знающие, кому же в конце концов теперь верить — Сергею ли Андрееву в «Неве», Нине ли Андреевой в «Советской России», — ведь в ком-то из них статья Ваша и впрямь может вызвать восхищение столь красочно выписанной «былинной натурой», желание и самому стать таким же несокрушимым, до предела порядочным, коренником в любом деле. Утвердиться наконец на чем-то определенном, не уходящем из-под ног, — пусть даже это опять будет слепая вера Кузнецовых, — серьезный соблазн для многих. И очень серьезная опасность для общества. Гораздо более реальная, чем может показаться на первый взгляд.

Не следует обольщаться нынешней либерализацией нашего общественного сознания, возвращением в обиход таких слов, как «добро», «жалость», «милосердие», «терпимость». Для большинства из нас это пока, — увы, не более чем слова. К тому же модные — почему не щегольнуть лишний раз? Не знаю, как скоро — после семидесятилетнего воспитания в фанатичной нетерпимости к любому виду духовного и интеллектуального индивидуализма — как скоро мы действительно, на деле, а не на словах, освободимся от генетически уже унаследованной тяги к стадному счастью растворения отдельного в общем. «Наполни приказом мозг мой и ветром наполни рот, — верно-подданно молил когда-то Луговской, — возьми меня, переделай и вечно веди вперед»; так ведь и сегодня, полвека спустя, многие втайне хотели бы этого же — чтобы без собственных мыслей, без собственного голоса, послушно шагать и шагать куда-то в строю переделанных на единый лад манкуртов. Недаром даже в нашей литературной полемике то и дело раздаются несколько нелогично звучащие на ее общем фоне призывы к вожделенной «консолидации».

Сегодня как никогда велика ответственность публициста за каждую мысль, высказанную перед огромной и как никогда восприимчивой аудиторией. Не так давно нам с высокой трибуны доверительно сообщили, что к весне 1985 года страна была на грани кризиса; признание это следовало, видимо, понять в том утешительном смысле, что вовремя начатая перестройка устранила угрозу. На самом же деле, думаю, за последние четыре года положение только обострилось.

Кризис стал неоспоримым фактом, он углубляется и ширится с каждым месяцем, охватывая новые и новые области нашей политической и хозяйственной жизни. Гласность — действительно великое (к сожалению, единственное пока) завоевание перестройки; но нельзя забывать, что при все более очевидной неспособности правительства быстро решить хотя бы самые неотложные из наших общенациональных проблем, эта же гласность способствует росту политической нестабильности в стране.

Трудно предвидеть возможное развитие событий. Столь же непредсказуемы колебания настроений общества. Нарастающее чувство безысходности может бросить нас как влево, так и вправо. Излюбленная козырная карта тоталитаристов любого толка — это обещание «навести порядок»; именно на этом, вспомним, сыграл в свое время Гитлер. Следует только помнить и другое: ни Веймарская республика в 1932 году, ни Российская империя в 1916-м не испытывали ничего подобного тому поистине всенародному разору и обнищанию, в каком мы переступили порог восьмого десятилетия строительства своего социализма.

Вот почему именно сегодня так опасна любая попытка нравственно реабилитировать страшный человеческий тип — порождение тирании, ставшее не только ее жертвой, но и ее главным орудием. Без кузнецовых не было бы сталинщины, при появлении достаточного их числа она может повториться.

Вот почему, мне думается, Вашу статью можно даже назвать безнравственной по ее сути, ибо безнравственны применяемые Вами критерии оценки личности героя.

Набор положительных качеств, который в Ваших глазах делает Кузнецова «порядочным до предела», вполне приложим к любому эсэсовцу из какого-нибудь там «Фюрер Лейбштандарте». Все то же самое: фронтовик с безупречным послужным списком, имеет боевые награды, нерассуждающе предан вождю, партии и ее доктрине, беспощаден к врагам, в личной жизни ни единого пятнышка. Последнее очень ценилось в рядах СС — комендант Освенцима Хёсс тоже был, как известно, «отличнейшим семьянином».

Согласно Вашей логике, следует реабилитировать и его: «жил по вере», а если в лагере и кровь пролил, или отправил в газовые камеры энное количество врагов нации, то ведь четко верил, что это враги. В самом деле — можно ли говорить о сознательном участии в преступлениях Гитлера и гитлеровцев применительно к обер-штурмбанфюреру Хёссу?

Кошунственная параллель, скажете Вы. Да, вероятно, она для многих может прозвучать кошунством. Но попробуем приглушить эмоции, признаем хотя бы теперь — спустя полвека — ужасающее сходство, родство двух тоталитарных систем, которым суждено было схватиться насмерть во Второй мировой войне. Самый трагический аспект этой войны состоял в том, что нашему народу пришлось тогда, защищая свое национальное существование, защищать и свое рабство; освобождая другие народы от вражеской военной оккупации, обрекать их на политическую кабалу.

Трудно даже сказать, какая система была хуже. Опираясь на собственные наблюдения (я пробыл в Германии с осени 1943 года по март 45-го) и на изучение внутренней политики Третьего рейха, проделанное в процессе работы над романом «Сладостно и почетно», могу утверждать со всей ответственностью, что немцам тирания Гитлера не принесла и сотой доли тех страданий, которые тирания Сталина принесла нам. Во всяком случае, мне легче понять лояльность рядового бюргера-«арийца», которому лично нацистский режим ничем не угрожал, чем рабскую — на коленях перед плахой — преданность кузнецовых. Те-то знали, что в любой момент, за любое неосторожное слово (а то и по доносу соседа) могут сами оказаться по ту сторону колючей проволоки.

Странное, тягостно двойственное впечатление производит Ваша статья. Часть ее написана честным, умным антисталинистом, вроде бы все понявшим и во всем разобравшимся, а под некоторыми пассажами вполне мог подписаться какой-нибудь Шеховцов, для которого герой фильма — зеркальное отражение собственного Я. По-человечески это понятно, Вы сами признаётесь: «Я один из них», «в сталинской Административной Системе мы от самого своего рождения видели единственное проявление социальной гармонии и справедливости». Но ведь к Вам-то прозрение пришло? Вы-то — опытный публицист — должны же понимать, что нельзя, негоже выносить на публику свои сугубо личные ностальгические симпатии, когда речь идет о таком страшном вопросе, как причиненное сталинщиной нравственное опустошение души целого народа.

Еще более удручающе выглядит рядом с дифирамбами в адрес бедного затравленного Кузнецова та неприкрытая злоба, какую вызывают в Вас его хулители. Придется опять процитировать:

«Тут-то в самый раз обозначить и еще один слой нашего общества. Будучи не героичен, он ныне сознательно компрометирует героев. Слой этот по-своему страшен. Это те, кто хвастается, что «все понимали» уже при Сталине. Плюс к ним — те, кто не жил в то время, но полагает, что не был бы столь слепым, если бы жил. Им более всего лестно слыть именно умными, а не нравственными. Ради этого они не видят главной престижности во мнении народа — совестливости. Народ же много чаще верит, чем подозревает. А эти-то люди действительно ради красного словца не пожалеют родного отца. Трусливое племя. Приспособленцы. Они не поймут Кузнецова...»

«В День Победы, в его день величия, в ресторане, где огромное число людей отмечают этот праздник, единственный в зале бывший фронтовик с боевыми орденами оказывается изгоем. Дьявольщина правит бал...»

Не надо бы, Георгий Иванович, таких громких слов. Не дьявольщина правит сегодня бал в наших ресторанных залах, а собираются там обычные люди, с обычным соотношением плохих и хороших. Есть и накипь, как всюду, есть

и вполне порядочная публика. Если у большинства нет боевых орденов, так это, надо полагать, просто по возрасту — опоздали родиться; зато, согласитесь, нет у них за плечами и многого другого, чем до сих пор гордятся иные сослуживцы Кузнецова, доблестные ветераны внутренних войск. Ну, а если даже говорить о самой что ни на есть наживке — взяточниках, ворюгах из торговой сети, боссов «теневой экономики», — то все-таки, по мне, пусть уж лучше они правят сегодня бал, нежели добродетельные палачи былых времен.

Разгулом дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде, — было ознаменовано именно то время, незабываемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда бал правили кузнецовы и их старшие братья, передавшие младшим большевистскую хватку, беззаветную преданность делу вселенской ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дяченко в одном из последних «Огоньков» — свидетельства переживших голод на Украине в 1932–33 годах. Хотя, возможно, у Вас и для уполномоченного, отнявшего у голодного ребенка последнюю картошку, тоже найдется оправдание: жил по вере, четко знал, что перед ним враг. Мало ли, что трехлетний! — вырастет ведь, кулацкое отродье...

Надо бы преклониться перед столь твердым соблюдением завета «не судите, да не судимы будете», если бы Вы свое христианнейшее всепрощение распространили и на тот негероический слой нашего общества, что ныне сознательно компрометирует героев, отказывая Кузнецовым в любви и понимании. Но нет — это трусливое племя «по-своему страшных» приспособленцев Вы судите по всей строгости, не пытаясь даже разобраться в причинах странной их нелюбви к сталинистам. Хотя ведь объяснение напрашивается самое простое: среди приспособленцев вполне могут быть дети тех, расстрелянных в марте 53-го, Кузнецова им не понять, Вы правы, сыну казненного трудно разделить душевные терзания вышедшего в тираж палача.

Проблема психологического разрыва между поколениями стара как свет. У нас, в наше время, она приобрела

особую остроту — не в последнюю очередь, мне думается, по причине гласности. Я имею в виду не сегодняшнюю горбачевскую гласность, а ту, что обрушилась на советское общество весной 1956 года и с тех пор не умолкала, как ни пытались заткнуть ей рот в последовавшие десятилетия.

Едва ли нынешний взрывоподобный выброс правды открыл нам так уж много неизвестного; все это мы знали уже давно (ну разве что не так детально и документированно) — слышали и по радиоголосам, читали и в самиздатовских ксерокопиях, и в провозимых «оттуда» компактных томиках «Архипелага». Идолы, один другого величественнее, рушились непрерывно все эти годы, и для молодежи их крушение не могло не сопровождаться падением авторитета старших — тех, кто эти идолы воздвиг и им поклонялся. Поколение ровесников XX съезда сегодня уже по горло сыто и ошибками отцов, и поздним умом прозревших, и пещерной тупостью тех, кто по сей день не может поступиться своими холопскими принципами.

Что и говорить, наследство мы своей смене оставляем не из завидных. Так есть ли у нас право винить молодых за то, что они сегодня не проявляют должного пиетета перед любым украшенным орденами ветераном? Иногда ведь — странный народ! — они еще хотят знать, за что эти ордена были получены, где заработаны.

Печальный конфликт, драма для обеих сторон. Драма для младших, оставленных без нравственного ориентира, с детства наученных ничему и никому не верить; драма для старших, уходящих из жизни с позорным клеймом рабского, гнусно обманутого поколения. Оно не все было рабским, но Ваша статья пытается утверждать, что рабами были лучшие, что в Сталина верили — и во имя этой веры творили зло — самые честные и совестливые, цвет народа. Выступив в защиту кузнецовщины как бы от имени поколения, Вы бросили на него еще более мрачную, совсем уже непроглядную для близоруких тень.

Остается лишь надеяться, что читатели окажутся зорче. Наше поколение состояло не только из кузнецовых по одну сторону и покорных, ни в чем не повинных жертв — по другую.

Были жертвы и иного рода — те, кто все поняли уже при Сталине (как недостойно, простите за прямоту, звучит Ваша ирония в их адрес!), кто боролись и протестовали. Или, во всяком случае, пытались как-то протестовать и как-то бороться.

Был среди них студент Анатолий Жигулин, был фронтовой офицер Александр Солженицын, были и многие другие, кого проглядели или не добились бдительные кузнецовы. Верю, что их имена оправдают наше поколение в глазах потомков.

